

СВАДЬБА

Зал купеческого собрания. Официанты в поддёрках по-русски. Столы с трёхэтажной едой. Стройные колонны белоголовых бутылок. Красные георгины в вазах. Надутые цветные презервативы под потолком.

Вздоровенный лжених-суженый (книзу). Воороператор "из новых" в лоснящемся фраке. К плечу белым облаком прилипла толстобюстая, набухшая женственностью молоддуха-невеста. Фата (моргана). Твёрдые ноги облиты золотистым нейлоном. Избыток энергии выходит междометиями из заперламученных губ.

Очередь с подарками, виляя задами, елозит вокруг новообращённых. Нашипованные долларами усонogie самцы-бизнесмены хлобызаются с лженихом. Размахивают руками. Маслянистыми пятнами в воздухе мелькают разъеденные потом подмышки.

Алкоголь да благодать.

За столиком у двери сидит по стойке смирно тьмутараканский болван-телоохранник. Большие неповоротливые мысли плавают в извилинах его мозга. Белозубая улыбка как кастет вбита в квадратную челюсть.

Чуть поодаль две невестины племянницы играют в валютных проспитуток.

Карачун Кондратьевич, невестиной-мамы-двоюродный-коммунист, дрессирует у вешалки серого привратника, ввинчивая зубочистку в его волосатое ухо. Морщины во лбу у Кондратьевича завязаны тугим узлом.

На полу роется в свежей куче подаренного тумбовидная лженихова тёща, женщина нелёгкого поведения с лицом располневшей кикиморы. Сервизы для битья посуды, заморские компьютеры, загадочные факсы (упрямая штука!), бельё для потери невинности, общенедоступные галантерейные финтифлюшки.

Прихехекнутый Алик гуляет на бровях вокруг озабоченной тёщи. Неразборчиво урчит желудком. На лице у Алика свежие следы асфальтовой болезни.

У стены напротив, с угрозой поблескивая отточенными лясами, синхронно почёсываются похохотливые лженщинки. Напёрстки сосков царапают бюстдольтеры под платьями. Словесная панмиксия. В сигаретном дыме плавают исчадия взглядов. Вавилонская башня из запахов.

“Тих-ха!” — зрякает нечеловеческим голосом молодой. Засунув кулак в развороченный рот, свистит по-разбойничьи.

Огромные мурашки бегут по спинам лженщин.

“Пусть Серёга стих скажет! Давай, Серёга, чтоб за душу... Ведь не матом единым жив человек...”

Районный скобзарь Серёга с готовностью поднимается со стула. Лихорадочно шарит в душе. Рдеющее лицо скотопромышленника сочится геройской улыбкой. Откуда-то из семенных протоков возникают нутряные, не первой свежести зарифмованные фразы. Декламирует. Запыхавшись, останавливается. Перекатывая желваки, подвергает взгляду разомлевшую молодую. Затем наотмашь, басом: “Горрь-ка! Горрь-ка!”

Надушенное облако, визжа, обволакивает фрак суженого.

Булькающее чмоканье. Крошится на фату марафет.

Лжених, мужаючи, прёт.

Капроновые бабочки бьются тяжёлыми крыльями в животе новообрачѐнной.

Напоцелуившись, лица молодых разлепляются.

Вер улыбок распускается вокруг.

Невеста водит фаллическим тюбиком помады по выпученным губам.

“Да, видно, Шуре вашей сегодня не сносить трусов,” — доверительно сообщает Серёга лженихову папе-в-законе. Потом, помолчав минуту, неожиданно просит: “Слушай, дай мне в зубы, чтоб дым пошёл, а?”

“Ты чего это?” — удивляется жизнемождённый папа. Непрожёванный шпротный трупик, как мятник, качается в углу его квадратного рта.

“Ну, сигаретой угостить можешь?”

“Так бы и говорил... на, держи. Я с тобой тоже курну, а то еѐна мать,” — кивает он головой на невесту, — “мне дома глотка дыма не даёт.”

Закуривают. Пошевеливают мозгами.

Между их головами прорастают в воздухе синие никотиновые нити.

“Ладно,” — объявляет наконец папа. Отработанным жестом выстреливает хабарик в кикиморообразное лицо жены, разбирающей причиндалы в другом конце зала. Затем с нечеловеческой ловкостью влезает на стол. Осыпает суженых мятыми деньгами из картонной коробки.

Две уймы пѐстрых бумажек с длинными цепочками нулей вырастают на полу.

Сладковатый запах распространяется по залу. На плохо конвертируемой валюте отчётливо видны водяные, кровавые знаки.

Приторчавшие гости с одобрением покрякивают. Плхохаются вспотевшими задницами на стулья. Окормляются. Заливают, порывгивая, ретивое. Пережёвывают Серёгину стишатику.

Мегалитры водки огненной лавой текут по пищеварительным трактам, сжигая всё на своём пути.

Сверкающий медью оркестр грохочет на сцене. Осатаневшие лабухи извиваются вокруг инструментов.

Дребезжащий ресторанный свет мечется по вспотевшим физиономиям.

Волосатый великан с ярко выраженными национальными глазами и с вертлявой скрипочкой в руке бродит между столами.

В углу двоюродный мутант-коммунист обсуждает с привратником текущий момент, позвякивая под столом окованными прохорями.

“Ты пойми,” — горячится Кондратьевич, распуская узел морщин на лбу. “Раньше, бывало, стоит только позвонить в третье отделение Ивану Ильичу — и всё улажено. Каждый место своё знал. А теперь...”

“Да,” — степенно соглашается человек дверей в униформе и, глотнув духовитой водки, добавляет:

“Чего уж тут говорить... Всё пошло в детородный женский орган...”

“Распустились, сволочи!” — гнёт свою линию в бараний рог Кондратьевич. “Целые области, реки, хребты горные разворовывают. Но проснётся народ русский. Помяни моё слово. Недолго уже ждать.”

По углам расцветают первые многообещающие драки.

Две неблаговонные ханьги моют в коридоре приехекнутого Алика.

“У!-блюдок!” — ик!-ает молодой в рдеющее Серёгино лицо. “Ну, ты, бля, выдал! У!-род!...”

Истекая желудочным соком, хлобызаются трижды внахлест. Инцестуально матерятся.

“Горрь-ка!” — оррёт оррава дружков.

Папа-в-законе ходит между столами гоголем (Николай Васильичем!). Пошевеливая усами, поучает жену свою тумбовидную. Забуркотевшая жена, держа язык остро за зубами, молчит, словно рыба об лёд.

Катя Кусина, по прозвищу Коитуся, отделяется от воркующей стаи невестинных подружек. Нетерпеливо поводя пьяными бёдрами, семенит к Серёге-скобзарю. Утлое, свеженакрашенное личико плывёт сквозь сигаретный дым. Подходит вплотную. Науськивает Серёгу на себя глазами.

Танцуют. Прижимаются, перепихиваясь пахами и самоисступлясь. Уходят на попятный в коридор.

Двуспинное четвероногое тело, пошатываясь, вваливается в кабинку уборной... Зад-вынув зад-вижку, интимно рукоблудствуют.

Замочная скважина струится конусом света.

Под Коитусиным платьем лопается с треском какая-то подруга. Тускло вспыхивают молочные полушария.

Межягодичное вагинофаллическое со-во-купание.

Ссексс.

Над унитазом пышный Коитусин круп летает тормашками вверх. Сквозь шум спускаемой воды ежесoitельные стоны.

Тихой сапой крадёт по коридору тверезый и толстый Коитусин муж. Мускулистым животом взламывает дверь уборной. Падает на Серёгу.

Преждевременный Коитусин оргазм.

Издав два воинственных запаха навстречу животобойцу, Семьявержец-Серёга натренированным движением впаивает ему по только что наставленным рогам.

Самозабвенно со знанием дела дерутся. Хруст борцовых костей.

Коитуся, зажав в кулак забрызганный спермой подол, азартно следит за мордобойней. Тяжело дышат все девять отверстий её разгорячённого тела.

Хлопобытные гости сбиваются тесным кольцом.

Угрожающе скрипит капроновыми чулками молодухина мама.

Трепещут дамские нервы.

Невеста кричит матом (благим).

Четыре фигуры в пятнистой одежде и масках диких зверей вваливаются в зал. Поверх масок арабские клетчатые платки. На армейских ремнях покачиваются зелёные гранаты. Одинаковые нанаркоценные зрачки.

Женщина-карлик в маске шакала суетится сзади. Толстая коса пивного цвета торчит из-под шакальской маски. Между ног неуклюже болгается чёрное дуло автомата.

Гости за столами ещё двигают челюстями, но звуков уже не слышно.

Огненные георгины в вазах корчатся от страха.

Новоиспечённый су-прут прыгает в оркестр. Падает (духом). Лицо, с застрявшей в зубах непрожёванной улыбкой, растворяется в воздухе. Слышно, как дрожат все фибры его души.

Торжественно, словно занавес, опускается подол Коитусинового платья.

В ступоре мычит тьмутараканский амбал-телоохранник. По его плохо отрихтованным щекам струится зелёный пот.

У телоохранника медленно едет крыша.

“Спокойно! Всем на пол!” — с тяжёлым немецким акцентом кричит мудосочный мужчина в маске африканского льва.

“Вы взяты заложниками Российским Отделением Организации Освобождения Палестины. РООП,” — с восторгом втягивает он воздух.

“Если будете в точности выполнять все приказы, никто не погибнет!”

Женщина с шакальской головой выбегает вперёд. Дуло автомата упирается в стол с трёхэтажной едой.

“Арабские дети в Палестине голодают, а вы тут...”

Широким жестом стягивает скатерть на пол. Левая рука с двумя мизинцами глумливо поглаживает дуло.

Ручеёк водки бежит у неё между ног.

Словно выстрелы с треском лопаются под потолком презервативы.

Мудосочный лев идёт к телефону. Набирает номер.

“Заявление для печати. Сегодня в два часа пятнадцать минут ночи вооружённый отряд РООПа захватил купеческое собрание. Семьдесят три человека взяты заложниками. Если к пяти часам утра сионистское правительство Израиля не выпустит из тюрем всех араб-

ских борцов за свободу, здание вместе с заложниками будет взорвано. Да здравствуют угнетённые народы! Позор лакеям сионизма!”

Театральным жестом срывает львиную маску. Безбровое, запудренное лицо мертвеца. Разноцветные, остановившиеся глаза посажены впритык. Из оскаленного рта торчат зубные протезы.

“Аллах велик! Скоро уже душа моя будет в раю!” — кричит умоиступлённый мертвец. Жёлтый запах выходит у него струёй из рта.

“В раю! В раю!” — буксует высушенный мировой революцией мозг.

Вязкая тишина стучается у оскаленного рта.

Дребезжащая струйка света втекает в чёрное дуло автомата.

Притихшие гости забиваются в угол. Осторожные всхлипывания.

Молодому бьёт колотун.

На сцене лежат в прострации заваленные инструментами лабухи.

Волосатый великан с национальными глазами обречённо смотрит на зверские маски.

Коитуся на коленях, согнувшись как цифра 2, что-то бормочет.

Распирая грудь, растёт в её теле душа.

Карачун Кондратьевич хватает папу-в-законе.

И только Серёга-скобзарь стоит в центре зала как-с-гуся-вода и, поглаживая разбитую скулу, геройски оглядывается по сторонам.

Мертвец отстёгивает с ремня три гранаты. Жонглирует, нахмурив надбровные дуги над разноцветными глазами.

Одна из гранат падает и с грохотом катится по полу.

Коитуся начинает негромко молиться, и загнанная в угол свадьба, не отводя глаз от гранаты, повторяет за нею: “Господи, прости и помилуй! Господи...”

Террористы срывают маски. Обступают Серёгу.

Мертвец разливает водку. Женщина-карлик тычет пустым стаканом в яйца мертвецу.

Пьют залпом за всемирную победу РООПа. Одобрительно матерятся. Закусывают, жадно хватая еду руками.

“Ребята,” — не выдерживает Серёга. “Это ж дружки мои из цирка! Я их для смеху позвал.”

Свадьба, не обращая внимания, продолжает истово молиться.

Серёга подходит к стоящей на коленях Коитусе.

“Вы что тут, все спятили, что ли?” — не выдерживает он. “Никто вас не собирается убивать!”

Озирается по сторонам. Затем, артистично сплонув, гасит в зале свет и уходит в коридор.

Цирковые террористы выбегают следом, прихватывая на ходу несколько белоголовых бутылок.

За ними из темноты всё громче ликующие слова молитвы: “Господи, помилуй! Господи помилуй... Господи...”